

за временем выяснится, что это и есть настоящая литература. Литература, которой не было, — это все, что загнано в подполье или выброшено за рубеж, или, наоборот, не впускается оттуда.

Цели армии внутренних и внешних войск, в мундирах и в штатском старались оградить «новую общность советских людей» от ненормированной культуры.

На Лубянке сгружались самосвалы самиздата, а они все множились и множились, эти флоренские и бердяевы, эти солженицины и сияевские, эти бродские и лимоновы, эти Вик-

и Вен. Ерофеевы. А еще набоковы, джойсы, прусты и генри миллеры. В одном романе Юрия Бондарева два героя, оказавшись за кордоном, увидели в витрине «Тропик рака» Миллера и дружно плюнули. Чего-чего, а слюны у нас всегда хватало.

Вот и стоит теперь красный верблюд посреди пустыни. Во все стороны раздаривал он свои плевки, и теперь не так-то просто выбраться ему из запыленного пространства.

Литература, которой не было, на самом деле всегда была, но понадобится долгое время, чтобы о ней все узнали. Для этого мы открываем нашу новую рубрику.

Литература, которой не было

Искрещ. — 1991. — 250 стр. — С. 3.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНАТОЛИЯ ГЛАДИЛИНА

Кто такой скотина Пелл? Почему он убил Гладилина? Анатолия Гладилина, нашего любимого шестидесятника, москвича, (пардон) парижанина. Вот уже тридцать лет Анатолий Гладилин живет в Париже.

Нет-нет, не пугайтесь, читатели, жив наш Анатолий Гладилин и даже написал книгу о своих парижских «мытарствах». Ах, как хочется нам думать, что где-то там, в Париже, есть райская жизнь, а ее, оказывается, нет нигде.

Книга под названием «Меня убил скотина Пелл» вышла в советско-британском издательстве «Слово». Это грустная исповедь изгнанника. Как часто сквозь вой глушилок прорывался к нам его голос. Он говорил о свободе. Читал фельетон о Брежневле. Вел репортажи о «горьком» заточении Сахарова. В те времена в Париже о Сахарове знали больше, чем в Москве.

Так получилось, что я встретился с Гладилиным в ЦДЛ, когда пишу эти строки. Учреждался новый Союз российских писателей. Мы наконец-то отделились от Юрия Бондарева и его команды. Стали независимым союзом писателей. Из гудящего зала вышел Булат Окуджава. Я вижу его впервые после операции на сердце. Анатолий Гладилин, растерянный и счастливый, в объятиях Окуджавы. Есть что-то символическое в этой встрече. Несмотря на 30 лет изгнания, Гладилина узнают все, буквально раздирают на части. Он этого никак не ожидал.

Прочитайте его книгу. Ее пишет писатель, уверенный, что там, в далекой Москве, о нем почти все забыли. Да нет же. Все помнят, все знают.

Мы идем по темным москов-

ским улицам, а я вспоминаю ночной Париж, весь в огнях витрин, сияющий, чистый, праздничный. Гладилин не хочет ни в такси, ни в метро. Он идет по Москве пешком и тем самым выдает себя — парижанина.

В сущности это очень грустная книга. Какой-то скотина Пелл увольняет Гладилина после долгих лет работы на радиостанции «Свобода». Нет, несмотря на все ужасы развитого социализма, россияне просто не в состоянии представить себе, что такое увольнение в такой цивилизованной стране, как Франция. Быть уволенным в 50 лет, это почти приговор. За Гладилина хлопочет Василий Аксенов, его поддерживают друзья, но все напрасно. Обратный эффект перестройки: срезаются ассигнования на радиостанции «Свобода». Кстати, вскоре после этого прекратили глушение. О, дьявольские игры и компромиссы высокой власти.

Русский Париж — он совсем малюсенький. Редактор «Синтаксиса» Синавский, редактор

«Континента» Максимов, ну еще газета «Русская мысль», опять же радиостанция «Свобода» — вот и замкнулся круг.

Нет ничего удивительного, что в этом сдавленном пространстве свободы силы отталкивания намного сильнее сил притяжения. К тому же наша эмиграция оказалась за бугром со своим изрядным запасом тоталитаризма в образе мысли, поведении и обычаях.

Гладилин (в романе — Говоров) в неразрешимом конфликте с издателем «Вселенной». Противостояние Максимова и Гладилина (назовем вещи своими именами) — это нечто большее, чем простая несовместимость. Чем-то оно напомнило мне нынешнее разделение Союза писателей на Союз Бондарева и Союз Евтушенко.

Приехав из Парижа, Максимов много раз призывал нас к единству, выступая в роли некоего третейского арбитра. Вряд ли он стал бы выступать с такими же призывами после путча.

Всего два с половиной часа

самолет летит от Москвы до Парижа, но какое же это громадное расстояние. Оно почти непреодолимо. Так получилось, что роман я прочитал за день до встречи с Гладилиным. Все-таки это очень странно — беседовать с литературным героем. Но в том-то и дело, что Гладилин в отличие от своего литературного двойника как бы из другого романа.

Тот, литературный, живет в Париже или гостит в Нью-Йорке, а этот такой свой московский весь до мозга костей.

Год назад приезжал к нам Эдичка Лимонов и целый вечер терзал наш слух в ЦДЛ своими ностальгическими советизмами. Москвичи толпами бежали из зала, да и собралось их немного. Дело в том, что в нынешнем советизме Эдички есть что-то высокомерно колонизаторское. Хорошо, сидючи в Париже, распоряжаются «исконно русской» Прибалтикой.

Совсем не такой Гладилин — Говоров. Его книга несколько неожиданный жанр: исповедь-ре-

портаж. Репортаж о самом себе? О русской эмиграции? О литературной богеме Парижа и Нью-Йорка? О чиновничьих лабиринтах парижской мэрии?

Каждый раз, оказавшись в Париже, я невольно погружался в споры о судьбах России. И каждый раз убеждался, что в Париже эти споры мертвы.

Россия — это какая-то ускользающая субстанция. А сейчас она так мгновенно меняется, что один шаг за предел границы, и уже никогда ни на каких сверхзвуковых лайнерах не догнать Россию.

Грустная и очень честная книга Анатолия Гладилина напомнила мне, что я живу в несчастной, но великой стране. Невозможно уйти от ее материкового притяжения, но и притягивать ее к себе в сторону Нью-Йорка или Парижа — напрасный труд.

Гладилин, Галич, Синавский, Анатолий Кузнецов, Виктор Некрасов... как безжалостно щедро разбросала Россия по всему миру своих. Гигантская красная кукушка, почему твои птенцы вынуждены жить в чужих гнездах?

Ну а скотина Пелл — он и есть скотина. Говоря языком Гладилина, я заканчиваю свой «скрипт»...

В ЦДЛ гудит съезд нового Союза российских писателей. Гладилин уже принят в его (чуть не сказал) ряды. И еще в первоначальном проекте устава был пункт о возможности исключения из союза большинством в 3/4 голосов. Съезд единодушно аннулировал такую возможность, чтобы никакая скотина, никакой Пелл, никакой Марков, никакой Дантес не могли убивать изгнанием российских писателей.

Мы идем с Гладилиным по Москве, все еще оживающей после путча, и я мысленно напеваю веселое название его книги: скотина Пелл, скотина пел, скотина пил... Хорошо, что Гладилин с нами в Москве. Хорошо, что вышла его новая книга.

Константин КЕДРОВ.